

Чикурова О. В. Освещение проблем этноконфессиональных отношений в Волго-Камье во второй половине XIX — начале XX вв. в трудах русских исследователей-современников // *О. В. Чикурова // Научный диалог.* — 2015. — № 11 (47). — С. 181—210.



УДК 94(47):394.94(1.470)

Освещение проблем этноконфессиональных отношений в Волго-Камье во второй половине XIX — начале XX вв. в трудах русских исследователей-современников

© **Чикурова Ольга Вячеславовна (2015)**, кандидат исторических наук, доцент, кафедра «Экономика и гуманитарные науки», Саратовский политехнический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова» (Сарapul, Россия), chikurowa@mail.ru.

Выполнен краткий историографический обзор трудов русских авторов второй половины XIX — начала XX веков, посвященных исследованию различных аспектов взаимоотношений представителей этноконфессиональных общностей Волго-Камья. Представлены результаты сопоставительного анализа взглядов на указанную проблему ученых крупнейших в регионе научно-образовательных учреждений и чиновников государственных учреждений. Особое внимание уделяется освещению данными авторами динамики развития этноконфессиональных отношений между представителями разных общностей под влиянием конфессиональной политики государства и миссионерской деятельности религиозных организаций. Дается оценка исследований с точки зрения освещения межконфессионального соперничества православия и ислама за политическое и культурное влияние на финно-угорские народы региона, сохраняющие языческие верования. Сделан вывод о том, что труды представленных авторов внесли значительный вклад

в разработку теоретических и методологических подходов к исследованию этноконфессиональных процессов в этнически неоднородном регионе. Значение этих трудов заключается в том, что многие идеи, впервые изложенные в них, не утратили своего значения до настоящего времени и продолжают оказывать влияние на современные исследования, позволяют реконструировать этноконфессиональные процессы в контактных зонах с учетом как государственной образовательной, национальной и вероисповедной политики, так и разнонаправленных факторов развития страны, региона, территории.

Ключевые слова: историографический обзор; этнография; Волго-Камье; этноконфессиональные отношения; этноконфессиональные общности; конфессиональная политика государства; «инородческий вопрос»; «мусульманский вопрос».

1. Введение

Изучение проблемы этноконфессиональных отношений* сохраняет свою актуальность в современной гуманитарной науке. Для более детальной проработки вопросов развития межнациональных и межконфессиональных отношений в этнически смешанных регионах России в силу чрезвычайной сложности и многоаспектности предмета исследования необходимо обращение не только к специальным историческим и религиозно-философским исследованиям, но и к широкому кругу историко-этнографических трудов, большая часть которых была создана во второй половине XIX — начале XX вв. Эти труды представляют для современного исследователя особый интерес, так как отражают характер взаимоотношений различных этноконфессиональных групп в условиях модернизации, в процессе постепенного преодоления этнической и религиозной замкнутости, и имеют важное источниковедческое значение.

Значительный всплеск научного интереса к истории и этнографии нерусских народов Российской империи, наблюдаемый в указанный период, диктовался как практическими запросами — актуализацией так называемых «инородческого» и «мусульманского» вопросов, так и дальнейшим развитием этнографической науки. Особую значи-

* Под *этноконфессиональными отношениями* понимается сложное взаимодействие и взаимовлияние между представителями различных этнических общностей и конфессий.

мость изучение этносов и их культур приобретало в Волго-Камье*, являющемся контактной зоной финно-угорского, тюркского и славянского миров. Появлению специальных исследований, посвященных различным аспектам этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье, в известной степени способствовала деятельность Казанской духовной академии [Валеев и др., 2014, с. 120], Императорского Казанского университета [Бусыгин и др., 2002], различных общественных объединений. Учреждение в Казанском университете Общества археологии, истории и этнографии (1878 г.) способствовало консолидации ученых и краеведов, активизации экспедиционной и издательской деятельности, а с созданием в университете кафедры этнографии (1884 г.) началась систематическая подготовка специалистов-этнографов, был накоплен и систематизирован обширный материал, легший в основу многих научных работ по материальной и духовной культуре народов Волго-Камья. Перечисленные факторы позволили во второй половине XIX — начале XX вв. вплотную подойти к постановке оригинальной исследовательской проблемы — изучения этноконфессионального взаимодействия в этнически смешанном регионе, которая в современных условиях приобретает новое звучание.

Приступая к характеристике трудов, оказавших определенное влияние на постановку указанной проблематики, необходимо отметить, что их содержание и направленность в значительной степени зависели от религиозной и политической ангажированности авторов, большинство из которых в своих воззрениях придерживались официальной доктрины православного традиционализма. В работах русских исследователей данного периода нередко присутствовало оценочное суждение о местных народах, для их характеристики использовались различного рода ярлыки и идеологические клише. При характеристике мусульманского населения на первый план выдвигался религиозный фанатизм и стремление мусульман к самоизоляции. Идеи и выводы исследователей основывались на методологическом арсенале современной им науки. Сложные процессы трансформации религиозного сознания рассматривались преимущественно с позиций прозелитизма, подчеркивалось культурно-цивилизационное

* Территориально Волго-Камье включает в себя левобережье Средней Волги, Камско-Вятское междуречье, Предуралье (нижнее течение р. Камы и р. Белой).

превосходство русского населения над народами Волго-Камья, ассимиляция русскими коренного населения края понималась как явление естественное и прогрессивное. Этническое и конфессиональное многообразие России рядом авторов воспринималось как угроза стабильности государства. Попытки развести понятия «национальное» и «религиозное» применительно к сознанию, обычаям и традициям народов еще не имели достаточно убедительной аргументации. Также следует уточнить, что само утверждение базовых понятий «этноконфессиональная общность», «этноконфессиональные отношения», «этноконфессиональное взаимодействие» происходит спустя почти столетие. Тем не менее именно в рассматриваемый период был сделан важный шаг к определению направлений и задач исследования этноконфессиональных процессов в Волго-Камье, которые получили дальнейшую разработку в трудах современных исследователей.

2. Труды ученых Казанского университета

Наиболее важными для нашего анализа можно считать историко-этнографические исследования профессоров Казанского университета, осуществлявшиеся на разных кафедрах с самого начала его учреждения. Так в работе «Исследования об инородцах Казанской губернии» [Сбоев, 1856], задуманной как серия этнографических очерков о нерусских народах Волго-Камья, адъюнкт-профессор по кафедре русской словесности Казанского университета Василий Афанасьевич Сбоев (1810—1855) пишет о культуре, быте и обычаях чувашей. Автор подробно описывает чувашские языческие верования и пантеон, сообщает о формировании у крещеных чувашей религиозного синкретизма: «Понятия эти ни языческие, ни христианские, но походят на те и другие, приближаются к ним, потому что составлены из смеси языческих и христианских элементов. А строго отделить эти элементы один от другого, показать, что принадлежит в них древнейшему вероучению и что принесено в них вновь влиянием христианства, — дело мудреное и даже невозможное» [Там же, с. 60]. Пишет о культурно-языковой ассимиляции чувашей, благотворном влиянии православной веры и русского образа жизни: «Частые сношения с русскими <...> изменили во многих отношениях понятия чуваш» [Там же, с. 6]. Вместе с тем автор отмечает, что на повсед-

невный быт, обычаи и обрядность чувашей существенно повлияла татарская культура. Влияние татар испытал чувашский язык, одежда, строительные традиции: «беспорядочная постройка чувашских деревень <...> — подражание татарам» [Там же, с. 18—19], «овины чувашские устраиваются, как и у татар» [Там же, с. 44], свадебные ритуалы: «жених или отец его должен по татарскому обычаю платить отцу ее (невесты. — *О. Ч.*) калым» [Там же, с. 27] и т. д. Делает вывод, что чувашаи поддаются ассимиляции превосходящим народом и в скором времени возможно «совершенно обрусить чуваш, черемис и другие небольшие народцы, живущие в России и уже исповедующие христианскую веру» [Там же, с. 9].

Профессор русской истории Казанского университета Николай Алексеевич Фирсов (1831—1896) в своей работе «Инородческое население прежнего Казанского царства...» [Фирсов, 1869] анализируя социально-экономическое положение населения Волго-Камья, попытался выявить результаты межэтнических контактов «для жизни как русских, так и инородцев» [Там же, с. 6], а также «действие просветительного движения на общественно-экономический быт инородцев» [Там же, с. 137]. Автор отмечает просветительное влияние русского населения на местные народы: «Как бы ни было велико усердие <...> миссионеров к делу просвещения иноверцев <...> едва ли в состоянии были бы обратить ко Христу в такое короткое время столько иноверцев, если бы не <...> русское население, жившее подле иноверцев» [Там же, с. 173]; «Многие иноверцы, живя среди русских, вместе с языком и обычаями последних усвоили себе если не внутреннее содержание христианства, которое не всегда было доступно большинству и коренного русского населения, то обрядовую часть, забывая в то же время свои старинные божества...» [Там же]. Вместе с тем он подчеркивает влияние русского населения преимущественно на формирование внешней, обрядовой стороны православия: «Русское простонародье <...> могло научить иноверцев и новокрещеных лишь обыкновенной религиозной внешности и обрядности, и то тогда только, когда последние приходили в общение с первым вследствие обыкновенного, естественного, вызывавшегося экономическими условиями, расселения и сближения» [Там же, с. 200]. Н. А. Фирсов указывает на то, что российское правительство «стре-

милось языческое и магометанское население государства, сравненное окончательно с русскими в общественном отношении, соединить с ними и в религиозном, склонив иноверцев к крещению и утвердив среди них учение Евангельское» [Там же, с. 146], но «цель <...> достигалась весьма плохо» [Там же, с. 193], «удерживая имя христиан, [новокрещенные. — *О. Ч.*] не покидали прежних своих верований» [Там же, с. 147]. Причины такого положения дел он видит в том, что цель эта была «искусственная, вызванная правительственными соображениями» [Там же, с. 200]. Далее автор отмечает, что не так было трудно учить истинам веры тех иноверцев, которые проживали совместно с русскими, были знакомы с языком и христианскими обрядами [Там же, с. 197], как тех, кто принимали крещение формально, «совершенно не понимая значения этого дела» [Там же, с. 148]. Еще более сложной задачей было «привести ко крещению магометан-инородцев» [Там же, с. 182], которые упорно сопротивлялись «просветительному русскому движению» [Там же]. Пытаясь найти причины стойкости татар-мусульман в вопросах веры, Фирсов указывает на специфику «строения быта магометанского духовенства» [Там же] и особого положения муллы в махалле: «он <...> учитель подрастающего поколения своих единоверцев, судья и даже лекарь» [Там же, с. 183], «у такого духовенства нельзя было легко отвоевать <...> духовных детей его» [Там же]. Ценность исследования профессора Фирсова в том, что в нем не только излагаются содержание и принципы государственно-церковной политики в отношении народов Волго-Камья, но и показаны взаимоотношения разных этноконфессиональных общностей на различных этапах российской истории.

Весьма актуальными в связи с рассматриваемыми проблемами являются исследования профессора Казанского университета по кафедре всеобщей истории Ивана Николаевича Смирнова (1856—1904), которого по праву можно считать основателем исторической этнографии восточно-финских народов Волго-Камья. Ему принадлежит серия историко-этнографических очерков, в которых комплексно, в исторической динамике представлена материальная и духовная культура восточных финнов, а также изменения, происходящие в их быту, семейных и общественных отношениях, религиозном сознании под влиянием различных факторов. Центральной задачей своих ис-

следований профессор Смирнов определил «раскрыть те особенности духа, которыми отличается данный народ и которые сказываются в его творчестве, в созданной им культуре» [Смирнов, 1895, с. I–II]. Признавая огромную важность изучения «духовного характера народа» [Смирнов, 1891в, с. 187], он исследует направления и факторы «влияния одного народа на другой» [Смирнов, 1891а, с. 5; Смирнов, 1886, с. 59], затрагивая, в частности, вопросы этноконфессионального взаимодействия народов края. Как отметил его рецензент, профессор Д. Н. Анучин, «автор старается проследить влияние на первобытные верования ислама и христианства и обусловленное этим влиянием последующее развитие религиозных идей» [Анучин, 1898, с. 5].

Анализируя различные данные о восточно-финских народах Волго-Камья, Смирнов приходит к выводу, что они выступают преимущественно в качестве заимствующей стороны: «под влиянием более развитых соседей» [Смирнов, 1890, с. 46] у них происходят изменения «в быту, в сфере духовной жизни, <...> космологических и космогонических представлениях» [Смирнов, 1889, с. 76]. При этом заимствование происходит избирательно, из культуры доминирующего этноса (татар и / или русских) перенимаются и адаптируются этнической средой преимущественно те элементы, которые наиболее соответствуют ее внутренним потребностям. И. Н. Смирнов отмечает, что в тюркских заимствованиях в языке восточно-финских народов значительное количество — это слова, обозначающие понятия права и власти, торговли и выгоды, а также нравственные и религиозные понятия. В работах «Черемисы» и «Вотяки» автор приводит примеры заимствованных тюркских слов, обозначающих абстрактные религиозные понятия: «вера», «душа», «грех» и др. [Там же, с. 28—29; Смирнов, 1890, с. 49—50], что свидетельствует о культурном влиянии более развитых соседей: «черемисы усвоили множество тюркских слов, элементы религиозного мировоззрения, захватили в свой обиход и некоторые крупницы ислама» [Смирнов, 1889, с. 30], «религиозные идеи высшего порядка вотяки заимствовали <...> из более развитых религий» [Смирнов, 1890, с. 239—240]; «Вотский анимизм <...> пришел в соприкосновение с мусульманским монотеизмом. В сознание вотяков вторгнулись новые идеи. Вместо сонма разных духов, управляющих явлениями природы, им стали говорить

о едином Боге, создавшем мир и управляющем им» [Там же, с. 207]. Эти и другие примеры свидетельствуют о заметном политическом и культурном влиянии татар, которое имело место в прошлом и сохранилось после включения народов Волго-Камья в политическую орбиту Русского государства. И. Н. Смирнов, делая вывод о значительном воздействии татаро-исламской культуры на восточно-финские народы, признает недостаточно эффективной государственно-церковную политику в крае, имеющую цель «высвободить из-под их [татар. — *О. Ч.*] культурного влияния финские племена Поволжья» [Смирнов, 1889, с. 40] после присоединения к Русскому государству: «Миссионерская деятельность не сопровождалась для правительства желанным результатом <...> черемисы лишены были возможности превратиться в мусульман, но совсем не сделались христианами» [Там же, с. 56]. Главную причину он видит в отсутствии систематической, скоординированной деятельности государства, Русской Православной Церкви (как его составляющей) и общественности в этом направлении. Смирнов отмечает, что в результате реализации государственной конфессиональной политики в отношении язычников края был достигнут своего рода компромисс между православным христианством и язычеством: «В местностях, где христианство уже завоевало для себя кое-какую почву, наблюдается компромисс — над заколотым быком совершает сначала моление языческий жрец, потом его благословляет христианский священник» [Смирнов, 1891в, с. 260; Смирнов, 1890, с. 241]. Оформился православно-языческий синкретизм: «Слияние русских святых с языческими богами имеет своим последствием то, что вотяки-язычники начинают им молиться наравне с христианами» [Смирнов, 1890, с. 240].

Обстоятельному научному анализу И. Н. Смирнов подвергает проблему русской ассимиляции восточно-финских народов, которая понимается им как исторически обусловленная закономерность. Вслед за Н. А. Фирсовым он считает, что русское правительство не стремилось к русификации народов Волго-Камья («обрусительных стремлений по отношению к инородцам мы не знаем <...> у центрального правительства» [Смирнов, 1895, с. 105—106]), а имело цель привести их к христианству. Смирнов считает, что обрусение, то есть добровольное восприятие элементов русской культу-

ры, происходило в условиях совместного проживания мордвы, коми-пермяков, марийцев, удмуртов с русскими и было вызвано естественноисторическим развитием межэтнических отношений. Автор пишет: «Хорошо известно, что черемисин, вотяк, пермяк, вполне овладевший русским языком и усвоивший внешние особенности русского быта, перестает считать себя инородцем и говорит, что он русский. Есть местности, где такие “русские” считаются не единицами и не десятками. Дети и внуки таких “русских” сливаются вполне с действительно русским населением края; последняя связь, соединяющая обрусевшего инородца с его родичами порывается, когда окружающие позабывают, что предок такого-то лица был черемисин или вотяк» [Смирнов, 1891б, с. 6]. Таким образом, И. Н. Смирнов выделяет в ассимиляционном процессе два этапа: начальный — культурно-бытовая и языковая ассимиляция и завершающий — перемена этнической самоидентификации [Гибадуллина, 2009, с. 114]. На процесс ассимиляции, по мнению автора, влияют такие факторы, как «продолжительность, интенсивность и характер сношений между двумя народностями» [Смирнов, 1889, с. 60]. Наиболее успешным по сравнению с другими восточно-финскими народами он считает обрусение тех народов, которые ранее других вступили в контакт с русским населением: «сожительство мордвы с русскими ведет их к обрусению» [Смирнов, 1891в, с. 139; Смирнов, 1895, с. 105]; «обрусение пермяков продолжается медленными, но верными шагами, без всяких искусственных мер и не оставляя в русеющем населении никакой горечи против господствующей народности» [Смирнов, 1891в, с. 172—173], «вотяки находятся на пути слияния с русским народом; не пройдет, может быть, столетия до тех пор, пока последний вотяк сделается русским» [Смирнов, 1890, с. 260—261].

Отметим, что в очерках И. Н. Смирнова проводится важная мысль о том, что в процессе совместной жизнедеятельности народов Волго-Камья (язычников, мусульман, православных) под влиянием как естественного развития, так и конфессиональной политики государства в религиозных верованиях восточных финнов возникают синкретические процессы, происходит постепенная трансформация религиозного и этнического сознания.

Таким образом, ученые Казанского университета в рассматриваемый период внесли заметный вклад в исследование этнических и конфессиональных процессов в Волго-Камье.

3. Труды ученых Казанской духовной академии

Открытие в Казанской духовной академии миссионерских отделений (1854 г.) способствовало активизации этнографических исследований в Волго-Камье. При подготовке миссионеров здесь особое внимание уделялось изучению истории, «наречий», традиций и быта, религиозных верований нерусских народов края. В академии сформировалась целая плеяда выдающихся ученых [Хабибуллин, 2009, с. 84—85] — Н. И. Ильминский, Е. А. Малов, М. А. Машанов и др. В трудах преподавателей, студентов и выпускников академии, помимо основной задачи — сравнительного анализа вероучений христианства и ислама, ставится проблема взаимовлияния христианско-православной и исламской культур, взаимодействия различных этноконфессиональных групп. Эта проблема становится одной из ключевых в дальнейшем изучении этноконфессиональных отношений.

Одним из первых, кто приступил к непосредственному изучению религиозной ситуации в крае, был профессор академии, православный богослов и миссионер, педагог-просветитель Николай Иванович Ильминский (1822—1891). В его трудах, помимо ценных этнографических сведений о нерусских народах Волго-Камья, содержатся данные о взаимоотношениях, складывающихся между представителями различных этноконфессиональных общностей, приводятся факты исламизации и отатаривания местного населения [Ильминский, 1892, с. 251]. Все более усиливающиеся позиции ислама в регионе заставили пересмотреть методы миссионерской работы, «предохранительные меры», преимущественно применявшиеся ранее, не давали желаемого результата [Чикурова, 2013, с. 208]. Длительная борьба с «уклонениями» в ислам, по выражению Н. И. Ильминского, напоминала починку ветхих построек: «едва успеет починить в одном месте, глядишь — разваливаются другие места» [Ильминский, 1895, с. 272]. Ильминский предлагал более активно использовать культурно-просветительные меры, использовать стремление нерусских народов к образованию, «доказать на опыте превосходство нашего

образования и нашей религиозности» [Ильминский, 1865, с. 89]. Он считал, что утверждение нерусских народов в православии посредством родного языка — это первый шаг к их духовному обрусению, которое он понимал как духовное единение российских народов на основе православия. «Только родной язык может успешно и основательно <...> сделать христианство общенародным достоянием» [Ильминский, 1875, с. 44—45], — писал он. Н. И. Ильминский был глубоко убежден, что религиозная и национальная унификация инородцев не должна происходить по принуждению [Ильминский, 1863, с. 138—139]. Его взгляды, изложенные в системе христианского просвещения нерусских народов при помощи родного языка, получившей название «система Ильминского», оказали заметное влияние на этноконфессиональные процессы в крае. Во многом благодаря практической реализации его системы «вектор конфессиональной ориентации крещеных народов Среднего Поволжья изменился в сторону православия» [Таймасов, 2013, с. 133].

Изучением истории, религиозных верований, языков народов Волго-Камья занимался Евфимий Александрович Малов (1835—1918) — протоиерей, профессор кафедры противомусульманских миссионерских предметов Казанской духовной академии. Он внес значительный вклад в развитие миссионерского исламоведения. Как миссионер, Е. А. Малов, прежде всего, видел задачу в утверждении христианства в регионе путем научной полемики с исламом, которой должно предшествовать основательное изучение ислама по арабским источникам и мусульманской богословской литературе. Взгляды Малова отразились и в направленности его трудов, являющихся преимущественно полемическими. В распространении влияния ислама в регионе Малов видел основное препятствие для реализации политики унификации народов России, поэтому выступал за более рациональную постановку миссионерского дела в крае: «В противодействии усиливающемуся магометанству [необходимо. — О. Ч.] дать прочную организацию миссионерству в Казани» [Малов, 1892, с. 332]. И в первую очередь, за тщательную подготовку миссионеров, которая состояла в основательном изучении верований тех народов, среди которых им предстояло проповедовать. Е. А. Малов уделял большое внимание изучению быта, «живого татарского языка и опытов <...>

христианско-просветительного влияния на крещено-татарское население» [Знаменский, 1891, с. 455], религиозно-нравственного состояния татар-мусульман и татар-мишарей [Малов, 1872; Малов, 1885; Малов, 1891; Малов, 1892]. В работах, посвященных этой проблематике, он предстает как «искусный наблюдатель нравов, умственных и религиозных понятий татар» [Знаменский, 1892, с. 156]. Он весьма обеспокоен усиливающимся влиянием татар на местное крещеное население: «Из сферы житейских отношений оно простирается на жизнь религиозную» [Малов, 1892, с. 215]. Анализируя ценности и нравы нерусских народов края, Е. А. Малов находит ответ на вопрос «почему крещеные татары не хотят быть православными», — «они хотят быть татарами» [Там же, с. 276]. Так как «быть татаринном — это значит для крещеного — быть мухаммеданином» [Там же]. Также он отмечает, что быть настоящим, «неиспорченным» черемисом значит быть язычником, сохранять веру своих предков: «есть крещеные черемисы — “бузулган” и черемисы, которые “бузулмаган”, т. е. такие, которые испорчены, и такие, которые не испорчены» [Там же, с. 305]. Приходит к важному выводу, что религиозный фактор в этнической идентификации играет первостепенную роль.

Другой представитель казанской миссионерской школы — профессор Казанской духовной академии Михаил Александрович Машанов (1852—1924) также уделяет большое внимание изучению национальных традиций, верований, бытовых условий нерусских народов. В ходе многочисленных миссионерских поездок в районы проживания крещеных татар с целью предотвращения «отпадений» в ислам, он занимается наблюдением и сбором информации о религиозном состоянии населения края, изучает «степень знакомства крещеных татар с христианством, степень их усердия к христианской вере и то влияние, которое произвело на них христианство» [Машанов, 1875, с. 3]. В своих заметках о крещеных татарах Машанов пишет, что «большая часть их только по имени христиане, а в существе дела скорее мухаммедане, хотя этого часто не сознают и сами крещеные, считая мухаммеданские понятия христианскими» [Там же, с. 5], тем самым он обозначает проблему религиозного синкретизма крещеных татар. Собранная им информация также дает представление о религиозном состоянии народов края, о национальной специфике

религиозных верований (в первую очередь, ислама), об отношении к представителям других вероисповеданий и народов. Так он отмечает терпимость русских к иноверцам и безразличие к пропаганде православной веры: «Русский крестьянин как-то спокойно относится к тому, что кругом его живут мухаммедане; он не заботится заняться при случае пропагандой христианства между ними» [Машанов, 1910, с. 15]. В отличие от него, татарин-мусульманин ревностно относится к своей религии: «Он желал бы всех обратить в мухаммеданство, не пренебрегая никакими средствами. Особенно неприятно татарину христианство среди его единоплеменников, которые прежде были мухаммеданами, — и он посвящает свои труды и ученость при всяком удобном случае на совращение этих последних в ислам» [Машанов, 1875, с. 51—53].

Следует также отметить, что М. А. Машанов, как и другие миссионеры, высказывает опасения относительно расширяющегося культурно-религиозного влияния ислама на «других инородцев, или язычников, или еще не укрепившихся в христианстве» [Машанов, 1910, с. 4—5], которое воздвигает «непроходимую преграду влиянию христианства на инородцев и отчасти культурному и государственному, по крайней мере, слиянию с коренным русским населением» [Там же] в одно «государственное целое» [Там же, с. 12]. Этой проблеме посвящен его обстоятельный доклад на казанском миссионерском съезде 1910 года. Автор подчеркивает, что «усиление ислама, сопровождаемое почти всегда отатариванием других инородцев России» [Там же, с. 88], должно привлечь на себя внимание государственных деятелей, так как «идет в ущерб русским государственным интересам» [Там же]. Машанов отмечает, что «мухаммеданская пропаганда особенно усилилась среди вотяков, бесермян, черемис и чуваш, живущих вблизи татарских селений» [Там же, с. 5], так как именно «крещеные и язычествующие инородцы, представляют собою благоприятную почву для сеяния семян всякого вероучения» [Там же]. По мнению автора, сближению нерусских народов края с татарами-мусульманами способствует «одинаковость языка, одинаковость образа жизни, тождественность вековых обычаев, близость сношений, словом весь быт...» [Там же]. Также автор обращает внимание на то, что контакты между представителями различных этноконфессиональ-

ных общностей становятся более интенсивными и тесными в связи с вовлечением крестьянского населения в торгово-промысловую деятельность [Там же, с. 26].

Значительный вклад в изучение различных аспектов межэтнических и межконфессиональных отношений народов Волго-Камья внес выпускник Казанской духовной академии, магистр богословия, инородческий миссионер Казанской епархии, педагог-просветитель Яков Дмитриевич Коблов (1876 — после 1937). Являясь последователем Н. И. Ильминского во взглядах на просвещение народов Волго-Камья, а также учеником Е. А. Малова и М. А. Машанова, он продолжил и значительно расширил исследование проблем этноконфессионального взаимодействия, исламизации и отатаривания православных и «язычествующих» нерусских народов края (чувашей, мордвы, марийцев, удмуртов), влияния религиозного фактора на «душевный склад» (ментальность) этноса. Коблов впервые столь подробно рассмотрел формы взаимопроникновения верований, обычаев, элементов материальной культуры, представил анализ причин исламизации и татаризации нерусских народов Волго-Камья, положил начало исследованию проблемы этноконфессиональной самоидентификации в условиях религиозной трансформации, специфики этнической психологии и межнациональных отношений [Чикурова, 2014, с. 44—45].

В своих трудах Я. Д. Коблов поднимает сложный вопрос о взаимоотношении национального и религиозного, подчеркивает взаимную обусловленность и тесную связь этих факторов, проявляющуюся в том, что принадлежность индивида к определенной религии выступает ключевым фактором этнической самоидентификации. Он придает особое значение изучению национальных особенностей для «определения религиозного непонимания» [Коблов, 1908б, с. 4], показывает специфические черты характера представителей различных этноконфессиональных групп (православных, мусульман, язычников) [Коблов, 1910, с. 10—15]. Исследователь отмечает, что религия играет мощную этноконсолидирующую роль, способствует сохранению этнической самобытности, является фундаментом, интегрирующим национальные интересы в единое целое. В этноконфессиональной идентичности татар важнейшую роль он отводит исламу. Особое место в работах Коблова занимает описание культур-

но-религиозной жизни татар-мусульман [Исхаков, 2008, с. 61]. Автор пытается преодолеть предубежденность против мусульман и ислама в целом, свойственную значительной части русского населения в рассматриваемый период. Он признает широкое распространение грамотности среди татар-мусульман, их глубокую религиозность, цивилизаторское воздействие ислама на нерусские народы Волго-Камья, выражающееся в восприятии ими достижений духовной, бытовой, производственной культуры: «Чем ближе к татарам живут инородцы, тем они <...> делаются более склонными к исламу и похожими даже по внешнему виду и костюму, по привычкам и навыкам, на татар» [Коблов, 1910, с. 4]. Автор подчеркивает, что исламизация нерусских народов Волго-Камья происходит в условиях доминирования татаро-мусульманской культуры и сопровождается утратой «материнского» языка, культуры, национального самосознания: «выражение: “в татары ушли”, употребительное у приволжских инородцев, значит: отатарились, приняли ислам» [Коблов, 1908а, с. 10], пытается выявить мотивы перехода крещеных татар, марийцев, удмуртов в мусульманство [Коблов, 1910, с. 18]. Важной заслугой Я. Д. Коблова явилось рассмотрение этноконфессионального взаимодействия народов Волго-Камья на уровне межличностных отношений, что позволило более полно описать картину, складывающуюся в сфере межконфессиональных отношений. В своих работах он отмечает, что на взаимное восприятие представителей различных этноконфессиональных общностей заметное влияние оказывают выработанные в результате социального опыта этнические предрассудки и стереотипы. Многие идеи, изложенные в трудах Коблова, способствовали появлению междисциплинарных исследований по проблеме этноконфессиональных отношений в регионе.

Таким образом, труды представителей казанской миссионерской школы позволяют составить более цельное представление о вероисповедной, национальной и просветительской политике государства по отношению к нерусским народам Волго-Камья. Их научная значимость состоит в том, что авторами, помимо тщательного сравнительного анализа вероучений православного христианства и ислама, предпринимается попытка изучить воздействие, оказываемое этими религиями на языческие верования нерусских народов Волго-Камья,

анализируется состояние этнических и конфессиональных отношений в регионе, выявляются проблемы и потенциальные угрозы в этой сфере.

4. Труды чиновников государственных учреждений

Различными аспектами взаимоотношений народов Волго-Камья в рассматриваемый период интересовались не только ученые, но и чиновники центральных и местных государственных учреждений, учителя, врачи, общественные деятели. Обратить пристальное внимание светской и духовной власти на постановку миссионерской деятельности в Волго-Камье и религиозную ситуацию в крае в целом заставили усиление мусульманской пропаганды, рост исламского влияния в регионе, массовые возвращения в ислам крещеных татар, «отпадения» крещеного «инородческого» населения (удмуртов, марийцев, чувашей) [Чикурова, 2013, с. 205]. Результатом подобного внимания к проблеме, в частности, явилась записка по инородческому вопросу чиновника Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД Бориса Михайловича Юзефовича (1843—1911), составленная по итогам ревизии сенатора М. Е. Ковалевского Казанской, Оренбургской и Уфимской губерний (1880—1881 гг.) и опубликованная в журнале «Русский вестник» под названием «Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России» [Юзефович, 1883]. Предпринимая анализ конфессионального состава населения Казанской и Уфимской губерний, автор отмечает, что официальные данные «не вполне согласуются с действительностью» [Там же, с. 6], дают «превратное понятие о действительном положении христианства в крае» [Там же, с. 16]. Он приводит примеры сложных наслоений в религиозных верованиях народов края, формирования языческо-мусульманского и православно-языческого синкретизма: «языческие суеверия и даже магометанство не вполне чужды инородцам, числящимся христианами» [Там же, с. 6], «христианские обряды они смешивают со своими языческими понятиями о ворожбе и заклинаниях» [Там же, с. 18]. Поэтому он считает неправильным относить к числу христиан тех из них, которые «хотя и числятся таковыми, но в церковь не ходят, детей не крестят, браков по христианскому обряду не совершают, в подражание местному магометанскому населению празднуют пятницы, не

едят свинины, бреют головы, покрывая их татарскими тюбетейками, чтут одинаково Нуха, Айсу и Мухаммеда (Ноя, Иисуса и Магомета), относятся с большим уважением к Корану, а вместе с тем празднуют Пасху, дни Св. Троицы и апостолов Петра и Павла, поклоняются иконе Николая Чудотворца и при всем том не покидают языческих обычаев и обрядов» [Там же, с. 17—18]. Для создания более объективной картины религиозного состояния нерусского населения края, а также понимания глубинных причин неэффективности системы «введения христианской цивилизации» [Там же, с. 7] и «постоянно разрастающегося татарско-магометанского влияния» [Там же, с. 16] Б. М. Юзефович представляет исторический обзор государственно-церковной политики в отношении нерусского населения Волго-Камья, подчеркивая, что «миссионерское дело обставлено было затруднениями» [Там же, с. 12], а энергия миссионеров ослаблялась «неустойчивостью правительственной системы» [Там же, с. 13] в этом вопросе.

Юзефович в целом солидарен с предшественниками, считая, что степень усвоения «инородцами» христианских догматов, обычаев и обрядов «всцело зависит от степени сближения их с русским населением» [Там же, с. 16]. Наибольшую степень христианизации он обнаруживает у мордвы, объясняя это явление тем, что «изо всех местных племен оно одно только оставалось совершенно чуждо магометанскому влиянию, вследствие чего беспрепятственно усвоило себе христианские понятия» [Там же]. Автор высказывает важную мысль о том, что «направление, по которому пойдет гражданское и религиозное развитие финнов» [Там же, с. 16—17], в значительной степени зависит от относительного преобладания русских и татар. Однако он обеспокоен тем, что номинальные христиане «полухристиане-полуязычники» [Там же, с. 19] с размытым маргинальным этническим сознанием представляют собой благодатную почву для мусульманской пропаганды. Также автор отмечает, что распространению мусульманского вероучения способствует знание местными народами татарского языка: «Независимо от принадлежности к христианству, магометанству или язычеству <...> все местное инородческое население в значительной степени обогатило свои наречия татарскими словами и оборотами, и за немногими исключениями весь край говорит по-татарски» [Там же, с. 19—20].

Б. М. Юзефович одним из первых предпринимает попытку сопоставить внешний облик, занятия, обычаи, отношение к христианству старокрещенных и новокрещенных татар и приходит к выводу, что если с некоторыми оговорками «старокрещены могут быть причислены к истинным христианам» [Там же, с. 22], то новокрещенные татары «служат живым свидетельством, в какой мере трудно привить христианское учение истинным магометанам» [Там же, с. 23]. Автор выдвигает предположение, что старокрещенные татары — это «местные инородцы финского племени» [Там же, с. 20], насильственно обращенные в ислам в эпоху татарского владычества, так как «едва ли можно допустить, чтоб истинный магометанин <...> мог сохранить какие бы то ни было верования и обычаи, идущие прямо вразрез с основными догматами магометанского вероучения» [Там же, с. 21]. Рассматривая государственные меры «к удержанию крещеных татар в христианстве» [Там же, с. 24] в предыдущие периоды, Б. М. Юзефович подразделяет их на репрессивные меры и «меры кротости» [Там же, с. 24—25], подвергает критике и признает их в целом «бесплодными» [Там же, с. 27], так как вероотступничество крещеных татар отнюдь не прекращается. В качестве альтернативы он предлагает направить усилия к распространению православия «среди инородцев-язычников и к удержанию в нем тех из них, которые, числясь православными, обнаруживают <...> некоторое тяготение к магометанству» [Там же, с. 37], так как наилучшие результаты, по его мнению, могут быть достигнуты «в среде шаткого в своих религиозных убеждениях крещеного и языческого инородческого населения» [Там же]. В то же время автор сигнализирует, что «магометанский вопрос» приобретает политический характер: «магометанская пропаганда <...> может <...> сделаться весьма сильным орудием политической агитации извне, а потому противодействие укреплению и распространению магометанского духа и изолирование его путем водворения прочных христианских начал в среде прочего инородческого населения в крае должно составлять задачу не только миссионеров, но и осторожной правительственной политики» [Там же, с. 29] и «входить в число главных задач государства» [Там же, с. 64].

В целом труд Б. М. Юзефовича отличается широким спектром рассматриваемых вопросов и критическим подходом к конфессио-

нальной политике государства в крае, оказывающей заметное влияние на сферу межконфессиональных отношений.

Сергей Гаврилович Рыбаков (1867—1921) — этнограф, музыковед, сотрудник-фольклорист Русского географического общества (1893—1901), служащий Госконтроля (1894—1900), чиновник Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД (1913—1917), эксперт-референт по нехристианским конфессиям [Арапов, 2001, с. 332]. В своих работах, написанных по итогам этнографических поездок [Рыбаков, 1897; Рыбаков, 1900а; Рыбаков, 1900б; Рыбаков, 1901], он рассматривает особенности быта и хозяйственной деятельности, духовную культуру нерусских народов Пермской, Уфимской губерний. Одним из наиболее интересных предметов изучения С. Г. Рыбаков считает «памятники народного духовного творчества, <...> которые дают ключ к пониманию духовного склада инородцев, их понятий, взглядов, образа мыслей, стремлений, настроения» [Рыбаков, 1897, с. VI]. Он уделяет внимание этническому характеру и самосознанию. Подчеркивает связь между национальным характером и родом занятий: «Где торговля, там обыкновенно оказываются в Восточной России и татары» [Рыбаков, 1900б, с. 2]. При характеристике этнического самосознания татар автор отмечает его тесную связь с религиозным сознанием: «С религией связано их племенное самосознание, которое у них несравненно интенсивнее, чем у других инородцев, и обнаруживает большую устойчивость в борьбе с посторонними влияниями и, между прочим, с влиянием русской национальности» [Рыбаков, 1897, с. 9].

Также в центре интересов исследователя находятся вопросы национальной и вероисповедной политики государства и ее отражение в отношениях представителей различных этноконфессиональных групп в контактных зонах. Так, рассматривая религиозную ситуацию в крае, Рыбаков отмечает: «Распространение ислама ведется деятельно среди язычествующих финских народностей Поволжья и Приуралья уже издавна, со времени принятия ислама покорителями Руси татарами. Эта пропаганда то ослабевает, то усиливается в зависимости от того, насколько энергично и целесообразно ведут просветительную деятельность русские» [Рыбаков, 1900б, с. 1]. Характеризуя национальную политику России, С. Г. Рыбаков подчеркивает, что одной

из ее отличительных черт было признание за нерусскими народами права на национальную самобытность, «единственным постоянным стремлением русского народа и правительства было духовно влиять на инородцев путем водворения христианского просвещения и культуры» [Рыбаков, 1897, с. VI]. Автор убежден, что «стремление к насаждению русской культуры среди подвластных России народностей зиждется на убеждении в истинности нашей культуры» [Рыбаков, 1900б, с. 1] и потому вполне справедливо. Рыбаков высказывает важную мысль, что успехи русской культуры измеряются «не одними внешними приобретениями, не одним расширением русской народности или распространением русского языка <...> гораздо важнее внутренние духовные успехи» [Там же] — усвоение русско-христианской культуры. Для достижения этой цели «русского дела» необходимо единение всех деятелей просвещения, всех общественных сил [Рыбаков, 1900а, с. 23]. Он считает, что «пробным камнем нашего просвещения» [Там же, с. 7] должна стать «масса язычников (чуваши, черемисы и вотяки), которая, будучи под двойным культурным воздействием русским христианским и татарским магометанским, является полем напряженной борьбы между этими двумя культурными началами» [Там же]. Например, «черемисы не без борьбы делали выбор между русскими и татарскими влияниями, <...> но все-таки воспринимали в себя русские влияния» [Рыбаков, 1901, с. 4], «чуваши менее поддаются влияниям магометан, чем другие инородцы» [Рыбаков, 1900а, с. 6], «вотяки, хотя чуждые фанатизма, обнаруживают явную склонность к магометанству» [Рыбаков, 1900б, с. 2]. Рыбаков подчеркивает, что будущее должно показать, чем завершится этот процесс: «разрешится ли в сторону русского просвещения, или татарства, явит или силу, или бессилие нашей культуры» [Рыбаков, 1900а, с. 7]. Анализируя влияние, которое оказывают на «инородцев» русские и татары, С. Г. Рыбаков с сожалением отмечает, что «татаро-мусульманская культура <...> в лице татар <...> заявляет о себе новыми успехами, делает культурный вызов нам» [Рыбаков, 1900б, с. 2], а «народные русские массы могут в лучшем случае привить инородцам только внешние черты христианско-русской жизни, в худшем случае — прививают раскол и сектантство, внутреннего же, глубокого перерождения жизни инородцев, перевоспитания их души и

понятий в духе правильных христианских понятий, настоящего просвещения народные массы совершить не в состоянии, будучи сами недостаточно просвещенны» [Рыбаков, 1900а, с. 15]. В отличие от татар, которые, по словам автора, являются «настоящими культуртрегерами мусульманского Востока» [Там же, с. 14], у русских «это дело [христианско-религиозное воспитание «инородцев». — *О. Ч.*] принадлежит отдельным лицам, насаждающим просвещение путем школы» [Там же, с. 15]. Исследователь отмечает явление, характерное для Уфимской губернии: «все обращающиеся в магометанство инородцы называют себя и сливуют под именем татар». Это, на его взгляд, свидетельствует о стремлении татар «не только к религиозным, но и к достаточно осознаным национальным целям, — стремятся превратить инородцев не только в магометан, но и в татар» [Там же, с. 14]. С. Г. Рыбаков искренне надеется, что в духовно-культурном соперничестве православия и ислама в Волго-Камье «христианское культуртрегерство», «русские просветительные усилия» смогут постепенно одержать верх.

5. Выводы

Подводя итоги историографическому обзору исследований, посвященных различным аспектам проблемы этноконфессиональных отношений в Волго-Камье, можно сделать следующие выводы. Во второй половине XIX — начале XX веков значительно активизировалось историко-этнографическое исследование народов Волго-Камья, происходило накопление и первичное обобщение этнографических данных, изучались этнические и религиозные традиции народов края, миссионерская деятельность Православной Церкви и развитие национальных школ, затрагивались вопросы этнокультурного и этноконфессионального взаимодействия в крае. Систематизируя и критически осмысливая труды русских исследователей второй половины XIX — начала XX веков, связанные с вопросами этнокультурного и этноконфессионального взаимодействия народов Волго-Камья, можно обозначить следующие ключевые позиции, которые способствовали формированию исследовательского интереса к проблемам этноконфессиональных отношений в этнически смешанном регионе и оказали заметное влияние на их дальнейшую разработку.

Во-первых, в этих трудах этническая история, культура, быт, язык, религиозные верования народов Волго-Камья исследуются с учетом специфики социально-экономического и культурного развития этносов и их взаимного влияния в условиях усиления межэтнических и межконфессиональных контактов.

Во-вторых, ставится проблема этнокультурного и религиозного взаимовлияния, изучаются основные пути заимствования достижений более высокой культуры.

В-третьих, подвергается анализу конфессиональная и образовательная политика государства по отношению к нерусским народам Волго-Камья и ее влияние на религиозную ситуацию в крае в целом, религиозное и этническое сознание народов края, взаимодействие различных этноконфессиональных групп.

В-четвертых, рассматриваются проблемы взаимного восприятия представителями различных этноконфессиональных общностей на основе закономерности «мы — они», в результате чего у них складывается образ «чужого» («другого») и осознается собственная идентичность.

В-пятых, предпринимается попытка изучить роль религиозного фактора в формировании этнической идентичности, специфических черт национального характера, в развитии межнациональных отношений.

Многие идеи, впервые высказанные исследователями в рассматриваемый период, оказались прорывом в совершенно новые области исследований. Они не утратили своего значения до настоящего времени и продолжают оказывать влияние на современные исследования, позволяют реконструировать этноконфессиональные процессы в контактных зонах с учетом как государственной образовательной, национальной и вероисповедной политики, так и разнонаправленных факторов развития страны, региона, территории.

Литература

1. *Анучин Д. Н.* И. Н. Смирнов. Восточные финны. Историко-этнографический очерк : рецензия академика Д. Н. Анучина / Д. Н. Анучин. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1898. — 6 с.
2. *Арапов Д. Ю.* Сергей Гаврилович Рыбаков (биография и список основных работ) // Ислам в Российской империи : законодательные акты,

описания, статистика / составитель Д. Ю. Арапов. — Москва : Академкнига, 2001. — С. 332—335.

3. *Бусыгин Е. П.* Этнография в Казанском университете / Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2002. — 219 с.

4. *Валеев Р. М.* Историко-конфессиональное изучение народов Среднего Поволжья в Казанской духовной академии во второй половине XIX — начале XX вв. / Р. М. Валеев, М. З. Хабибуллин, Р. В. Шайдуллин // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. — 2014. — № 4-1. — С. 119—123.

5. *Верт П.* Православие, инославие, иноверие : очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи / П. Верт ; перевод с англ. Н. Мишаковой, М. Долбилова, Е. Зуевой и автора ; научный ред. перевода М. Долбилов. — Москва : Новое литературное обозрение, 2012. — 280 с.

6. *Гибадуллина Н. М.-Н.* Проблемы культурного взаимодействия народов Поволжья в трудах И. Н. Смирнова / Н. М.-Н. Гибадуллина // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2009. — Т. 151. — № 2-2. — С. 111—117.

7. *Джераси Р.* Окно на Восток : империя, ориентализм, нация и религия в России / Р. П. Джераси ; авторизов. пер. с англ. В. Гончарова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2013. — 538 с.

8. *Знаменский П. В.* История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842—1870 гг.) : вып. 2 : Состояние академии по учебной части / П. В. Знаменский. — Казань : Тип. Имп. ун-та, 1891. — 592 с.

9. *Знаменский П. В.* На память о Николае Ивановиче Ильминском : к двадцатипятилетию Братства Святителя Гурия / П. В. Знаменский. — Казань : Братство святителя Гурия, 1892. — 402 с.

10. *Ильминский Н. И.* Еще о школе для первоначального обучения детей крещеных татар / Н. И. Ильминский // Православное обозрение. — Казань, 1865. — Т. XVI. — С. 89.

11. *Ильминский Н. И.* Записка Н. И. Ильминского по вопросу об отпадении крещеных татар Казанской губернии 1881 года / Н. И. Ильминский // Православный собеседник. — 1895. — № 1. — С. 256—275.

12. *Ильминский Н. И.* Избранные места из педагогических сочинений, некоторые сведения о его деятельности и о последних днях его жизни / Н. И. Ильминский. — Казань : Издание попечителей покойного, 1892. — 148 с.

13. *Ильминский Н. И.* Об образовании инородцев посредством книг, переведенных на их родной язык / Н. И. Ильминский // Православное обозрение. — 1863. — Т. X. — С. 138—139.

14. *Ильминский Н. И.* О переводе православных христианских книг на инородческие языки / Н. И. Ильминский. — Казань, 1875. — С. 44—45.

15. *Исхаков Р. Р.* Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII — начало XX в.) / Р. Р. Исхаков. — Казань : Татар. кн. изд-во, 2011. — 222 с.

16. *Исхаков Р. Р. Я. Д. Коблов* о культурно-религиозной жизни поволжских мусульман в начале XX в. / Р. Р. Исхаков // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2008. — Т. 10. — № 1. — С. 60—64.

17. *Коблов Я. Д.* Мечты татар-магометан о национальной общеобразовательной школе / Я. Д. Коблов. — Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1908а. — 20 с.

18. *Коблов Я. Д.* О татаризации инородцев Приволжского края / Я. Д. Коблов. — Казань : Центр. тип., 1910. — 27 с.

19. *Коблов Я. Д.* Религиозные обряды и обычаи татар-магометан (при наречении имени новорожденному, свадебные обряды и похороны) / Я. Д. Коблов. — Казань : Тип. Имп. ун-та, 1908б. — 46 с.

20. *Малов Е. А.* Миссионерство среди мухаммедан и крещеных татар : сборник статей / Е. А. Малов. — Казань : Типо-литогр. Имп. ун-та, 1892. — 462 с.

21. *Малов Е. А.* О крещеных татарах : (Из миссионерского дневника) / Е. А. Малов. — Казань, 1891. — 58 с.

22. *Малов Е. А.* Очерк религиозного состояния крещеных татар, подвергавшихся влиянию мухаммеданства / Е. А. Малов. — Казань, 1872. — 154 с.

23. *Малов Е. А.* Сведения о мишарях : этнографический очерк / Е. А. Малов. — Казань, 1885. — 80 с.

24. *Машанов М. А.* Заметка о религиозно-нравственном состоянии крещеных татар Казанской губернии Мамадышского уезда / М. А. Машанов. — Казань, 1875. — 70 с.

25. *Машанов М. А.* Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим инородцам / М. А. Машанов. — Казань : Типо-литография И. С. Перова, 1910. — 132 с.

26. *Рыбаков С. Г.* Ислам и просвещение инородцев в Уфимской губернии / С. Г. Рыбаков. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1900а. — 28 с.

27. *Рыбаков С. Г.* Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта / С. Г. Рыбаков. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. Наук, 1897. — 330 с.

28. *Рыбаков С. Г.* Просвещение инородцев в Пермской губернии / С. Г. Рыбаков. — Санкт-Петербург : Типо-лит. М. П. Фроловой, 1901. — 8 с.

29. *Рыбаков С. Г.* Русское просвещение и магометанская пропаганда в селе Б. Гондыре (Осинского уезда, Пермской губернии) / С. Г. Рыбаков. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1900б. — 8 с.

30. *Сбоев В. А.* Исследования об инородцах Казанской губернии / В. А. Сбоев. — Казань : Дубровин, 1856. — 188 с.

31. *Смирнов И. Н.* Вотяки : историко-этнографический очерк / И. Н. Смирнов. — Казань : Тип. Имп. унив., 1890. — 354 с.

32. *Смирнов И. Н.* Задачи и значение местной этнографии / И. Н. Смирнов. — Казань : Тип. Губ. прав., 1891а. — 18 с.

33. *Смирнов И. Н.* Мордва : историко-этнографический очерк / И. Н. Смирнов. — Казань : Тип. Имп. ун-та, 1895. — 295 с.

34. *Смирнов И. Н.* Несколько слов о русском влиянии на инородцев Казанского края / И. Н. Смирнов // Известия Общества археологии, истории и этнографии. — 1886. — Т. VI. — Вып. 1. — С. 59—63.

35. *Смирнов И. Н.* Об историко-этнографическом изучении Вятского края / И. Н. Смирнов. — Вятка : Губернская типография, 1891б. — 11 с.

36. *Смирнов И. Н.* Пермьки : историко-этнографический очерк / И. Н. Смирнов. — Казань : Тип. Имп. ун-та, 1891в. — 289 с.

37. *Смирнов И. Н.* Черемисы : историко-этнографический очерк / И. Н. Смирнов. — Казань : Тип. Имп. унив., 1889. — 265 с.

38. *Таймасов Л. А.* Миссионерско-просветительские идеи Н. И. Ильминского / Л. А. Таймасов // Вестник Российского университета кооперации. — 2013. — № 3 (13). — С. 133—136.

39. *Фирсов Н. А.* Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время / Н. А. Фирсов. — Казань : Унив. тип., 1869. — 472 с.

40. *Хабибуллин М. З.* Вклад преподавателей Казанской духовной академии в изучение истории, языка и этнографии нерусских народов Поволжья и Приуралья в 1854—1881 гг. / М. З. Хабибуллин // Вестник ВЭГУ. — 2009. — № 6. — С. 84—91.

41. *Чикурова О. В.* Деятельность Русской Православной Церкви «для ограждения инородцев от влияния магометан» (Волго-Камье, вторая половина XIX — начало XX в.) / О. В. Чикурова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 8-2 (34). — С. 205—210.

42. *Чикурова О. В.* Проблема этноконфессионального взаимодействия в Волго-Камье в научном наследии Я. Д. Коблова / О. В. Чикурова // Казанская наука. — 2014. — № 5. — С. 42—45.

43. Юзефович Б. М. Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России / Б. М. Юзефович. — Санкт-Петербург : Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1883. — 64 с.

44. *Campbell E. I. The Muslim Question and Russian Imperial Governance* / E. I. Campbell. — Bloomington : Indiana University Press, 2015. — 320 p.

45. *Kefeli A. N. Becoming Muslim in Imperial Russia : Conversion, Apostasy, and Literacy* / A. N. Kefeli. — Ithaca : Cornell University Press, 2014. — 312 p.

46. *Werth P. W. At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827—1905* / P. W. Werth. — Ithaca : Cornell University Press, 2002. — 287 p.

Coverage of Problems of Ethnic and Confessional Relations in Volga-Kama Region in the Second Half of XIX – early XX Centuries in Works of Russian Scientists-Contemporaries

© **Chikurova Olga Vyacheslavovna (2015)**, PhD in History, associate professor, “Economics and Humanities” Department, Sarapul Polytechnic Institute, Branch of Izhevsk State Technical University named after M. T. Kalashnikov (Sarapul, Russia), chikurova@mail.ru.

The short historiographical review of the works of Russian writers of the second half of XIX — early XX centuries devoted to the study of various aspects of relations between the representatives of ethnic and religious communities of the Volga-Kama region. The results of the comparative analysis of views on this problem in the region's largest scientific research and educational institutions and officials of state institutions are given. Particular attention is paid to the authors' coverage of the dynamics of the ethnic and religious relations between different religious communities under the influence of confessional policy of the state and the missionary activity of religious organizations. The researches are evaluated in terms of the coverage of interconfessional rivalry between Orthodoxy and Islam for political and cultural influence on the Finno-Ugric peoples of the region preserving pagan beliefs. The conclusion is made that the works submitted by

the authors have made a significant contribution to the development of theoretical and methodological approaches to the study of ethnic and religious processes in the ethnically diverse region. The significance of these works lies in the fact that many of the ideas first set out in them have not lost their value to date, continue to influence current research and allow to reconstruct the ethno-confessional processes in the contact zones taking into account education, national and religious policy of the state and countervailing factors in the development of the country, region, territory.

Key words: historiographical review; ethnography; Volga-Kama region; ethno-confessional relations; ethno-confessional communities; confessional policy of the state; "mixed ethnic problem"; "Muslim problem".

References

- Anuchin, D. N. 1898. *I. N. Smirnov. Vostochnye finny. Istoriko-etnograficheskiy ocherk: retsenziya*. Sankt-Peterburg: Tip. Imp. Akad. nauk. 6. (In Russ.).
- Arapov, D. Yu. 2001. Sergey Gavrilovich Rybakov (biografiya i spisok osnovnykh rabot). *Islam v Rossiyskoy imperii: zakonodatelnyye akty, opisaniya, statistika*. Moskva: Akademkniga. 332—335. (In Russ.).
- Busygin, E. P., Zorin, N. V. 2002. *Etnografiya v Kazanskom universitete*. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta. 219. (In Russ.).
- Campbell, E. I. 2015. *The Muslim Question and Russian Imperial Governance*. Bloomington: Indiana University Press. 320.
- Chikurova, O. V. 2013. Deyatel'nost' Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi «dlya ogražhdeniya inorodtsev ot vliyaniya magometan» (Volgo-Kamye, vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.). *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 8–2 (34): 205—210. (In Russ.).
- Chikurova, O. V. 2014. Problema etnokonfessional'nogo vzaimodeystviya v Volgo-Kamye v nauchnom nasledii Ya. D. Koblova. *Kazanskaya nauka*, 5: 42—45. (In Russ.).
- Dzherasi, R. 2013. *Okno na Vostok: imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. 538. (In Russ.).
- Firsov, N. A. 1869. *Inorodcheskoe naseleniye prezhnego Kazanskogo tsarstva v novoy Rossii do 1762 goda i kolonizatsiya zakamskikh zemel v eto vremya*. Kazan': Univ. tip. 472. (In Russ.).
- Gibadullina, N. M.-N. 2009. Problemy kulturnogo vzaimodeystviya narodov Povolzhya v trudakh I. N. Smirnova. *Uchenyye zapiski Kazanskogo*

- universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki, 151(2–2): 111—117. (In Russ.).*
- Ilminskiy, N. I. 1892. *Izbrannyye mesta iz pedagogicheskikh sochineniy, nekotoryye svedeniya o yego deyatelnosti i o poslednikh dnyakh ego zhizni.* Kazan': Izdaniye popechiteley pokoynogo. 148. (In Russ.).
- Ilminskiy, N. I. 1863. Ob obrazovanii inorodtsev posredstvom knig, perevedennykh na ikh rodnoy yazyk. *Pravoslavnoye obozreniye, X: 138—139. (In Russ.).*
- Ilminskiy, N. I. *O perevode pravoslavnykh khristianskikh knig na inorodcheskiye yazyki.* Kazan', 1875. 44—45. (In Russ.).
- Ilminskiy, N. I. 1865. Yeshche o shkole dlya pervonachalnogo obucheniya detey kreshchenykh tatar. *Pravoslavnoye obozreniye.* Kazan', XVI: 89. (In Russ.).
- Ilminskiy, N. I. 1895. Zapiska N. I. Ilminskogo po voprosu ob otpadeniyakh kreshchenykh tatar Kazanskoj gubernii 1881 goda. *Pravoslavnyy sobesednik, 1: 256—275. (In Russ.).*
- Iskhakov, R. R. 2011. *Missionerstvo i musulmane Volgo-Kamya (poslednyaya tret' XVIII — nachalo XX).* Kazan': Tatar. kn. izd-vo. 222. (In Russ.).
- Iskhakov, R. R. 2008. Ya. D. Koblov o kulturno-religioznoj zhizni povolzhskikh musulman v nachale XX. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossijskoj akademii nauk, 10(1): 60—64. (In Russ.).*
- Kefeli, A. N. 2014. *Becoming Muslim in Imperial Russia: Conversion, Apostasy, and Literacy.* Ithaca: Cornell University Press. 312.
- Khabibullin, M. Z. 2009. Vklad prepodavateley Kazanskoj dukhovnoj akademii v izuchenie istorii, yazyka i etnografii nerusskikh narodov Povolzhya i Priuralya v 1854—1881 gg. *Vestnik VEGU, 6: 84—91. (In Russ.).*
- Koblov, Ya. D. 1908. *Mechty tatar-magometan o natsionalnoj obshche-obrazovatelnoj shkole.* Kazan': Tipo-lit. Imp. un-ta. 20. (In Russ.).
- Koblov, Ya. D. 1910. *O tatarizatsii inorodtsev Privolzhskogo kraya.* Kazan': Tsentr. tip. 27. (In Russ.).
- Koblov, Ya. D. 1908. *Religioznyye obryady i obychai tatar-magometan (pri narechenii imeni novorozhdennomu, svadebnyye obryady i pokhorony).* Kazan': Tip. Imp. un-ta. 46. (In Russ.).
- Malov, E. A. 1892. *Missionerstvo sredi mukhammedan i kreshchenykh tatar.* Kazan': Tipo-litogr. Imp. un-ta. 462. (In Russ.).
- Malov, E. A. 1872. *Ocherk religioznogo sostoyaniya kreshchenykh tatar, podvergovshikhся vliyaniyu mukhammedanstva.* Kazan'. 154. (In Russ.).

- Malov, E. A. *O kreshchenykh tatarakh: (Iz missionerskogo dnevnika)*. Kazan', 1891. 58. (In Russ.).
- Malov, E. A. 1885. *Svedeniya o misharyakh: etnograficheskiy ocherk*. Kazan'. 80. (In Russ.).
- Mashanov, M. A. 1910. *Sovremennoye sostoyaniye tatar-mukhammedan i ikh otnosheniye k drugim inorodtsam*. Kazan': Tipo-litografiya I. S. Perova. 132. (In Russ.).
- Mashanov, M. A. 1875. *Zametka o religiozno-nravstvennom sostoyanii kreshchenykh tatar Kazanskoy gubernii Mamadyshskogo uezda*. Kazan. 70. (In Russ.).
- Rybakov, S. G. 1900. *Islam i prosveshcheniye inorodtsev v Ufimskoy gubernii*. Sankt-Peterburg: Sinod. tip. 28. (In Russ.).
- Rybakov, S. G. 1897. *Muzyka i pesni uralskikh musulman s ocherkom ikh byta*. Sankt-Peterburg: Tip. Imp. Akad. Nauk. 330. (In Russ.).
- Rybakov, S. G. 1901. *Prosveshcheniye inorodtsev v Permskoy gubernii*. Sankt-Peterburg: Tipo-lit. M. P. Frolovoy. 8. (In Russ.).
- Rybakov, S. G. 1900. *Russkoye prosveshcheniye i magometanskaya propaganda v sele B. Gondyre (Osinskogo uezda, Permskoy gubernii)*. Sankt-Peterburg: Sinod. tip. 8. (In Russ.).
- Sboev, V. A. 1856. *Issledovaniya ob inorodtsakh Kazanskoy gubernii*. Kazan': Dubrovin. 188. (In Russ.).
- Smirnov, I. N. 1889. *Cheremisy: istoriko-etnograficheskiy ocherk*. Kazan': Tip. Imp. univ. 265. (In Russ.).
- Smirnov, I. N. 1895. *Mordva: istoriko-etnograficheskiy ocherk*. Kazan': Tip. Imp. un-ta. 295. (In Russ.).
- Smirnov, I. N. 1886. Neskolko slov o russkom vliyani na inorodtsev Kazanskogo kraya. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii, VI(1)*: 59—63. (In Russ.).
- Smirnov, I. N. 1891. *Ob istoriko-etnograficheskom izuchenii Vyatskogo kraya*. Vyatka: Gubernskaya tipografiya. 11. (In Russ.).
- Smirnov, I. N. 1891. *Permyaki: istoriko-etnograficheskiy ocherk*. Kazan': Tip. Imp. un-ta. 289. (In Russ.).
- Smirnov, I. N. 1890. *Votyaki: istoriko-etnograficheskiy ocherk*. Kazan': Tip. Imp. univ. 354. (In Russ.).
- Smirnov, I. N. 1891. *Zadachi i znachenie mestnoy etnografii*. Kazan': Tip. Gub. prav. 18. (In Russ.).
- Taymasov, L. A. 2013. Missionersko-prosvetitel'skie idei N. I. Il'minskogo. *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii, 3 (13)*: 133—136. (In Russ.).

- Valeev, R. M., Khabibullin, M. Z., Shaydullin, R. V. 2014. Istoriko-konfession-alnoe izucheniye narodov Srednego Povolzhya v Kazanskoj dukhovnoy akademii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva*, № 4-1: 119—123. (In Russ.).
- Vert, P. 2012. *Pravoslaviye, inoslaviye, inoveriye: ocherki po istorii religiozno-go raznoobraziya Rossiyskoy imperii*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. 280. (In Russ.).
- Werth, P. W. 2002. *At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827—1905*. Ithaca: Cornell University Press. 287.
- Yuzefovich, B. M. 1883. *Khristianstvo, magometanstvo i yazychestvo v vostochnykh guberniyakh Rossii*. Sankt-Peterburg: Tip. i khromolit. A. Transhelya. 64. (In Russ.).
- Znamenskiy, P. V. 1891. *Istoriya Kazanskoj dukhovnoy akademii za pervyy (doreformenny) period ee sushchestvovaniya (1842—1870): 2: Sostoyaniye akademii po uchebnoy chasti*. Kazan': Tip. Imp. un-ta. 592. (In Russ.).
- Znamenskiy, P. V. 1892. *Na pamyat' o Nikolaye Ivanoviche Ilminskom: k dvadtsatipyatiletyu Bratstva Svyatitelya Guriya*. Kazan': Bratstvo svyatitelya Guriya. 402. (In Russ.).